

Желтоножко А.О.
Научный руководитель Черепанова Е.С.
д-р филос. наук, проф.

Метафора и понятие как неотъемлемые элементы философского текста

Интерес мыслителей к феномену метафоры, зародившийся еще в эпоху античности (что нашло свое отражение в разработках Аристотеля в «Риторике» и «Поэтике») и развившийся в полноценные исследования во времена лингвистического поворота в XX веке, не угасает и по сей день. Благодаря этому накопилось огромное количество разнообразнейшего материала для исследований, позволяющего доказать многоаспектность бытия метафоры. Работы М. Блэка, Д. Дэвидсона, Дж. Лакоффа, Н. Д. Арутюновой, Э. Кассирера, Дж. Серля, П. Рикера и пр. служат наглядным примером того, что метафора стала предметом действительно глубокого осмысления.

Если мы намерены говорить о том, как метафора проявляет себя в рамках философского текста, то следует определиться с тем, что собственно представляет собой философский текст как феномен. Для начала, обращаясь к тексту с позиций взаимодействия репрезентативного подхода и имманентного, включающего постструктуралистский взгляд на текст как феномен, способный довлеть над реальностью, мы приходим к пониманию текста как единой сложной системы, как писал представитель герменевтического подхода Г.-Г. Гадамер: «Тексты всегда дают выражение некоему целому»[5, С. 454].

Затем, следует уточнить, что понятие философского текста не возникает путем внесения дополнительной рефлексии по отношению к обычному тексту. Оно появляется благодаря наполнению слов обыденного языка специфическим смысло-образным содержанием, существующим в трех плоскостях. Говоря конкретно, философский текст – это система смысло-образных единиц, выраженная в знаковой форме и обладающая объективным, специфическим и

субъективным содержанием. При этом необходимо учитывать, что философский текст, как было отмечено структуралистами, может представлять собой не только вербально закрепленные единицы.

Благодаря этому становится возможным использование метафоры в рамках философского текста, поскольку она может являться элементом, его конструирующим.

Начиная с работ Аристотеля, метафора осмысливается с точки зрения близости понятию сходства: «Всего важнее быть искусным в метафорах. Только этого нельзя перенять от другого: это – признак таланта, потому что слагать хорошие метафоры – значит подмечать сходство» [1]. Хотя эта позиция и критикуется П. Рикером как неточная (в связи с различными трактовками самого сходства у Аристотеля), но развиваемая М. Ю. Лотманом [7, С. 169], она приобретает черты законченности, позволяя говорить о том, что, соединяя самостоятельные семантические единицы, обладающие пересечением в один единственный элемент, метафора реализует свою функцию как дополнительное, более образное и наполненное содержанием выразительное средство. Тем самым, М. Ю. Лотман говорит о появлении скрытых ранее значений, выявляемых системой тропов, обусловленной представлениями и способом мышления писателя. Благодаря этому метафора получает значение смысловой доминанты текста.

У М. М. Бахтина [2] полностью метафоричным предстает творческий процесс, соответственно метафора становится важнейшей составляющей творческого акта и, соответственно, акта познания.

Таким образом, даже у авторов, находящихся на границе лингвистики, литературоведения, и философии метафора воспринимается более широко, чем просто в качестве вида тропа.

В истории философии отношение к метафоре менялось в зависимости от того, считалось ли необходимым образное наполнение текста (средние века) или же его наиболее точное и однозначное восприятие (рационализм Нового времени), которому метафора считалась помехой. Отрицает специфическую

смысловую нагруженность и прагматизм, для которого только буквальный смысл высказывания существует и имеет значение. А сама метафора заключена в необходимости поиска общих черт между сопоставляемыми объектами. Для Д. Дэвидсона [6] метафора обладает только буквальным значением, а значит может быть заменена другим тропом со сходными функциями.

Дж. Серль [11] также говорил о проблемах, связанных с восприятием метафоры, возникающих из-за наличия у нее наряду с буквальным значением и специфического метафорического значения, для понимания которого нужно обладать некоей специфической информацией, чтобы понять, что мы имеем дело с метафорой. С его точки зрения метафора способна усложнить восприятие текста.

В то же время у П. Рикера [10] метафора обладает важнейшим для нас свойством, способным оправдать использование метафоры в рамках любого текста. П. Рикёр говорит о том, что с точки зрения семантики метафора позволяет передавать непередаваемую, не очевидную информацию, благодаря чему происходит более глубокое проникновение в реальность.

Для К. Бюлера [4] метафора также оказывается полезной при «работе» с реальностью: она может служить способом анализа нашего восприятия. И, кроме того, метафора может служить простейшей техникой абстрагирования, что роднит ее с понятием.

Признавая за метафорой ключевую роль в человеческой жизни, Э. Кассирер [8] говорил о метафорическом мышлении, заложенном в нас еще с первобытности и соответственно о базисных метафорах, являющихся основой для формирования языка.

У М. Блэка и А. А. Ричардса [3] получила развитие традиционная двупространственная система восприятия метафоры, в которой она предстает обладающей некоей основой, к которой прилагается поле импликаций или же смысловая система, действующие как пересекающиеся семантические сферы К. Бюлера. Однако такой взгляд доказал свое несовершенство.

Еще об одной функции метафоры писал Х. Ортега-и-Гассет [9]. Рассматривая ее как форму научного мышления, он говорил также, что в науке она может быть использована как вспомогательный элемент - для именования нового явления, требующего собственного понятия. Впрочем, если говорить о понятии, то для Х. Ортега-и-Гассета метафора как действие ума способна постичь гораздо больше.

Таким образом, достаточно очевидно, что метафора является одним из важнейших элементов философского текста, поскольку способна выполнять в нем описанные выше функции. Кроме того, она обладает определенным сходством с понятием, природу которого стоит отдельно пояснить.

Прежде всего, следует оговориться, что речь идет именно о философском понятии, а не о понятии вообще, так как понятие – термин весьма широкий, используемый разными науками и соответственно получающий в них разное осмысление (достаточно вспомнить логическое определение понятия). Это важный момент, поскольку следует, кроме того, различать философское понятие и понятие научное.

О разнице между ними можно было бы говорить в связи с тем, будем ли мы считать философию наукой, или вслед за приверженцами неклассического подхода обозначать ее как способ построения картины мира или же как форму деятельности (точка зрения Л. Витгенштейна), следовательно – особый способ мышления. Отталкиваясь от второй позиции, будем считать философское понятие продуктом специфического способа совершения мыслительных актов.

Кроме того, философское понятие не равно научному, поскольку для первого главной задачей является понимание феномена, тогда как для второго в задачу входит лишь описание феномена. Философское же понятие в плане содержания не ограничивается системой общих признаков воспринятых предметов. Оно складывается через некий акт разума, который трансформирует представления о предметах реального мира в умообразные феномены.

В рамках философии и философского текста метафора играет достаточно серьезную роль: она помогает оформиться философскому понятию и является

этапом в его становлении. Метафора является своеобразной методологической базой, при помощи которой бесплотный конструкт, созданный воображением, обретает форму, причем это действие является не спонтанным, а рационально осмысленным, поскольку создание метафорического образа требует определенного умственного напряжения.

В отношении к интерпретации, истинности и контексту хорошо видна родственность метафоры и философского понятия. В отличие от научного понятия и то, и другое нацелено на то, чтобы быть проинтерпретированным. Затем, и то, и другое обладает своей специфической истиной и стремлением к максимально точному выражению образа, заложенного автором. Наконец, существование обоих феноменов вне контекста невозможно, так как они представляют собой системные единицы, вне системы способные выражать разве что свое буквальное значение, заложенное в словах, их составляющих.

Не смотря нам скептическую позицию некоторых исследователей, например М. Блэка («Похвалить философа за метафору – все равно, что похвалить логика за красивый почерк») [3, С. 153], широкий историко-философский взгляд на метафору и понятие как феномены философского языка позволяет с достаточной долей уверенности говорить об их родстве и равнозначной ценности для философского текста.

Список литературы

1. Аристотель. Поэтика (Об искусстве поэзии). М., 1957.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986.
3. Блэк М. Метафора // Теория метафоры. Сборник. М., 1990.
4. Бюлер К. Теория языка: Репрезентативная функция языка. М., 1993.
5. Гадамер Г.-Г. Истина и метод. М., 1988.
6. Дэвидсон Д. Что означают метафоры // Теория метафоры. Сборник. М., 1990.
7. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб., 1998.

8. Кассирер Э. Сила метафоры // Теория метафоры. М., Прогресс, 1990.
9. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры. Сборник. М.: Прогресс, 1990.
10. Рикер П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение // Теория метафоры. Сборник. М., 1990.
11. Серль Дж. Р. Метафора // Теория метафоры. Сборник. М., 1990.